Безответная любовь

Любовь зла – полюбишь и муху-однодневку. Правда, эта прожила уже целых два дня, в течение которых Пашка неотступно следовал за своей принцессой. Хотя, конечно, легко сказать, неотступно. Его принцесса взлетала, когда ей вздумается, и летела, куда ей вздумается. Так, по меньшей мере, казалось Пашке. Все сложности и изгибы её судьбы он не успевал замечать, так как отставал от неё эдак на сто паучьих шагов и смотрел на происходящее снизу вверх. В один прекрасный момент, когда он как раз собирался прибавить ходу по направлению к соседнему дереву, Каролинка, в прямом смысле этого слова, свалилась ему на голову. Лёгкая, как пушинка, она не причинила ему боли, как-то обречённо взглянула в один из его вертящихся от волнения глаз и потеряла сознание. Пашка перестал дышать и даже думать. Просто существовал бесцельно. И это логично. Ведь цель-то была достигнута: быть рядом с этим небесным созданием. Но голодная саранча, перекусившая Цикадели, стрекотала где-то рядом и вывела его из оцепенения. Подхватив Каролинку, Пашка отправился искать безопасное место и вскоре нашёл уютный уголок, где и принялся плести для своей возлюбленной гамачок, прикрепив его между двух стебельков под тенью продолговатых листков полевой ромашки. Плетя этот гамачок, Пашка вдруг вспомнил, как расставлял похожие липкие сети в своём городе и как туда попадались его жертвы, в том числе и неосторожные, бестолковые мухи. Ещё два дня назад он съел бы любую из них и не поперхнулся бы,

но теперь всё было иначе: Пашка перестал быть орудием своего аппетита, инстинкты молчали, а чувство голода заглушал вечный зов любви. И было всё равно, что не знала она, его принцесса, законов паучьей жизни, что витала она в иных сферах, ничего не ведая о прозрачном городе, о тяжёлом каждодневном труде и о равнодушном божестве, которое странным образом допустило это встречу, может быть, даже предусмотрело её для них, преследуя какую-то очень важную и поучительную цель. Может, он, Пашка, ещё сможет полюбить и понять своего двуногого бога, и всё: и чердак, и бегство, и вечные сомнения и страхи - было не напрасно?

Уложив Каролинку в постельку, Пашка укутал её мягким пахучим лепестком, прислушался к её дыханию. В глубине души он мечтал, чтобы она ещё долго лежала слабенькой в его гамачке и не могла улететь, хоть и жалел её одновременно. Но Каролинка вдруг открыла глаза… и увидела перед собой то самое мохнатое чудовище, которое два дня назад помешало её свадебному полёту. И хотя выглядело это чудовище с точки зрения Каролинки жутковато, нелепо, толстобрюхо и косолапо, но опасности от него не исходило никакой. Пашка преподнес к её рту лепесток с нектаром, но она показала ему слабым движением головы, что не хочет, а вернее не может пить, и он сразу же отвёл лепесток в сторону. Мало помалу Каролинка стала приходить в себя, приподнялась, пошевелила крылышками, как будто проверяла их на прочность.

- Не спеши улетать, - сказал Пашка. - Тебе ещё надо окрепнуть.

- Мне надо торопиться. Сегодня вечером я должна быть у пруда. Меня там ждут, - слабо запротестовала Каролинка, и Пашка удивился тончайшей звонкости её голоса.

- До вечера ещё далеко. Отдохни немного, - попросил Пашка, стараясь не наседать, а про себя подумал: «Ни в коем случае нельзя пускать её к воде. Где вода, там и смерть.»

Он не забыл ещё карающее орудие своего бога, и чтобы уговорить Каролинку остаться, стал рассказывать ей про паучий город, про то, как он рос в нём и хотел учиться, но жестокий творец зелёного мира уничтожил всё, что ему было так дорого, чёрной змеёй, изрыгающей потоки воды. И как потом он вынужден был бежать, потому что нарушил закон, и двуногий бог наказал бы, пожалуй, и всех остальных, оставшихся в живых после потопа, за то, что Пашка не мог перестать думать.

Каролинка слушала внимательно и никак не могла поверить в какое-то двуногое существо, уничтожающее целые города. Она верила в свою богиню, которая была и лоном, и пищей, и защитой от холода. Дарующая, а не карающая богиня-вода не внушала ей никакого страха. К ней нужно вернуться после этого короткого приключения, и всё встанет на свои места. Только бы взлететь, только бы подняться.

- Вода – мой дом. Вернуться туда – мой долг, - тихо произнесла Каролинка в ответ на взволнованные Пашкины тирады, и он очнулся, пристыженно замолчал. Напоминание о долге невольно задело Пашкину совесть. Его долгом было

предоставить свою белковую массу на съедение своей супруге. Но об этом он не вспоминал ни разу после встречи с Каролинкой. Теперь у него была другая цель и другой долг: выходить свою маленькую принцессу. Вот ей он отдал бы себя в жертву. Но, как оказалось, она не ждала от него никакой жертвы. Вот если бы он смог ей хоть немного понравиться! Здесь, на просторной лесной поляне, скрываясь в густой траве, они могли бы прожить всё лето, без всяких законов, запретов и божьего наказания. Бедный Пашка! Он не знал, что часы его принцессы сочтены, и она не успеет полюбить его за наивную и мудрую душу. Да, оказывается, и за бугром есть свои проблемы: безответная, а вовсе никакая не свободная любовь и борьба за существование. А что тебе сытый желудок и тучи комаров, когда нет любви!

- Мне пора, - решительно произнесла Каролинка, покрутив изящными усиками, определяя направление, откуда ветер доносил запах влаги. Встав на слабые ножки, она покачнулась и чуть не упала. Но Пашка успел подхватить её. В это же мгновение у него родилась почти бескорыстная мысль: он отнесёт Каролинку на своей крепкой спине к пруду. Быть может, там она окрепнет, пусть даже совершит свой желанный свадебный танец и будет счастлива, и в её глазах вспыхнет этот яркий перламутровый свет, который он мельком увидел при их первом неудачном и одновременно счастливом столкновении. А там – будь что будет. Во всяком случае, он будет рядом и попытается уберечь Каролинку от несчастья. Может, и в третий раз ему повезёт, и прожорливая вода не проглотит его маленькое

тельце.

Пашка бережно приподнял совсем уже тоненькую и лёгонькую Каролинку и посадил себе на круглую мохнатую спинку. Одухотворённый своей идеей, он отправился в путь, а его драгоценная ноша, не понимая, что с ней происходит, но не имея сил сопротивляться, цепко ухватилась своими лапками за его короткую шею.

Ах, какое это было зрелище для тех, кто понимает! Крылатая муха-однодневка, сидящая верхом на окрылённом, но бескрылом пауке, бывшем сетканте, ползущие навстречу своему совершенству, которого они оба, по-моему, уже достигли. Как жаль, что это лишь сказка, и мои Пашка с Каролинкой не войдут в историю поучительных примеров для подражания. Мои герои - два ничем, на первый взгляд, друг на друга не похожие существа, но объединённые узами мечтательности, порыва и отвращения к повседневности. Как я люблю этих идеалистов, которых рождает даже такая провинциальная среда, как деревенское болотце и запущенный огород.

Он, созданный для труда, воспитанный в страхе и послушании, но создавший себе иллюзию полёта под деревьями тенистого сада, совершил невозможное, преодолел инстинкты, тянущие всех живущих к земле, к уюту и сытости, и взлетел к высотам бескорыстной любви. Многие ли могут этим похвастать? А она, к счастью, не комнатная и не навозная, рождённая для полёта и презирающая пищеварение, спустилась с небес, чтобы понять всю бренность земных желаний, краткосрочность

вдохновения и счастья, и обогатиться мудростью терпения и смирения в ситуации, когда всё равно ничего другого не остаётся. По воле судьбы, или случая, или проведения, вопреки своей разности эти двое встречаются и идут какой-то маленький отрезок своей жизни вместе, даруя друг другу необходимое, другому недостающее. Так, близорукий, но выносливый и добродушный Пашка предложил Каролинке свою силу и нёс её на себе весь день к водоёму. Каролинка же, с её огромными и зоркими глазами и чувствительными усиками, была направляющей силой, вдохновляла и окрыляла Пашку, но и пользовалась его опёкой и покровительством. Всю дорогу она думала, какая всё-таки странная история с ней приключилась. Оглядываясь на эти два насыщенно прожитых дня, она пришла к выводу, что все, с кем ей привелось познакомиться, были, как и она сама, чем-то одержимы и не замечали, что жизнь, равнодушная и вездесущая странница, решала всё по-своему, казнила и миловала, чему-то учила или оставляла в недоумении. И эта жизнь была сильнее и Пашкиного двуногого бога, и Каролинкиной матери-воды. Она была надо всем и диктовала свои законы. И не к чему сопротивляться, цепляться и мучиться, а надо отпустить. И тогда не будет ни боли от потери близких, ни отчаянья от невыполненного долга. Эта мысль вдруг отчётливее всех других, передуманных за последнее время, вспыхнула в её головке. Прямо-таки осенило! И это была уже большая мудрость, открыть для себя которую многим не удаётся за всю жизнь. А Каролинке удалось за какие-нибудь два с половиной дня! Хотя, конечно, с её точки зрения, это тоже целая жизнь. И была бы Каролинка человеком, увидела бы она со

временем практическую пользу в этой своей мудрости, открыла бы где-нибудь за другим бугром, в Нью-Йорке или в Лос-Анджелесе, офис, спасала бы больных и заблудших людей, живущих своими навязчивыми иллюзиями (а вернее, благодаря им), от них самих и получала бы за это хорошие деньги и славу в придачу, выпускала бы методические руководства и выступала бы на симпозиумах. Но насекомым деньги и слава не требуются, и Каролинка не знала, что делать с таким богатым жизненным опытом, немного растерялась и загрустила, ведь с иллюзиями расставаться нелегко, даже если всё понимаешь. В дороге её немного укачало, и у неё едва хватало сил, чтобы удерживаться на Пашкиной, раскачивающейся из стороны в сторону, спине. В глубине души Каролинка уже знала, что сил на последний свадебный полёт у неё не хватит, а без этой своей цели она вообще не представляла, куда идти и что делать дальше (ох, не хватало мне ещё мухи-самоубийцы в этой сказке!) и потому не принимала никакого решения, просто ждала, что будет дальше.

На Пашкиной ворсистой спинке было легко и уютно передвигаться в пространстве. И вскоре и Каролинка, да и сам Пашка (о чудо!) отдались бездумности движения (так вот в чём секрет!), безвольно наблюдая за сменой декораций. А вокруг сияло солнце и стрекотали кузнечики, своими песнями напоминая о бедном Цикадели, жужжали работая пчёлы, не дожидаясь ни от кого благодарности за мёд, а светлячки спали, набираясь сил для ночных рандеву с возлюбленными. Над водой, к которой приближалась наша смешная

парочка, летала бессовестно-легкомысленная мошкара, без понятия смысла существования, но вполне счастливая. Кажется, и наши двое были, если не счастливы, то, во всяком случае, спокойны и поверили наконец в то, что их боги добры к ним, по меньшей мере, в данный момент. Каролинка вдохнула влажный воздух. Он был вкусный. Не взлетела, но подпрыгнула и оказалась на земле. Ножки не хотели слушаться. С помощью крыльев она маленькими рывками приблизилась к воде, опустилась на неё, оглянулась на Пашку. Перламутровые глаза сияли благодарностью и грустью. У Пашки заколотилось сердечко. Нет, это совсем не то, что он хотел увидеть. Таких глаз он ещё не видел никогда, даже в своём городе после того несчастья. В глазах Каролинки не было ожидания. И это было страшно. Но принять какие-либо новые меры для спасения своей принцессы, Пашка не успел, так как опять случилось непредвиденное. Хотя, конечно, если учесть, что день был жаркий, а двуногие боги любят поплескаться в воде, то можно было выявить некие причинно-следственные связи. Но Пашке с Каролинкой этого было не дано. Они услышали только громкие звуки, ощутили своими крохотными тельцами содрогание земли и воды… И в ту же минуту какой-то большой, тяжёлый предмет накрыл Пашку и долго втаптывал его в пыль, пока он не перестал существовать, перемешавшись с нею. А некоторое время спустя Каролинку больно ударила мощная струя вдруг ни с того ни сего взбесившейся матери-богини, и она, потеряв сознание, опустилась на дно, унося с собой в мутную воду всю свою мудрость. Вода проглотила накопленную ею в сомнениях, в

смятении и страдании ценную информацию и забыла её, а может быть и нет.